

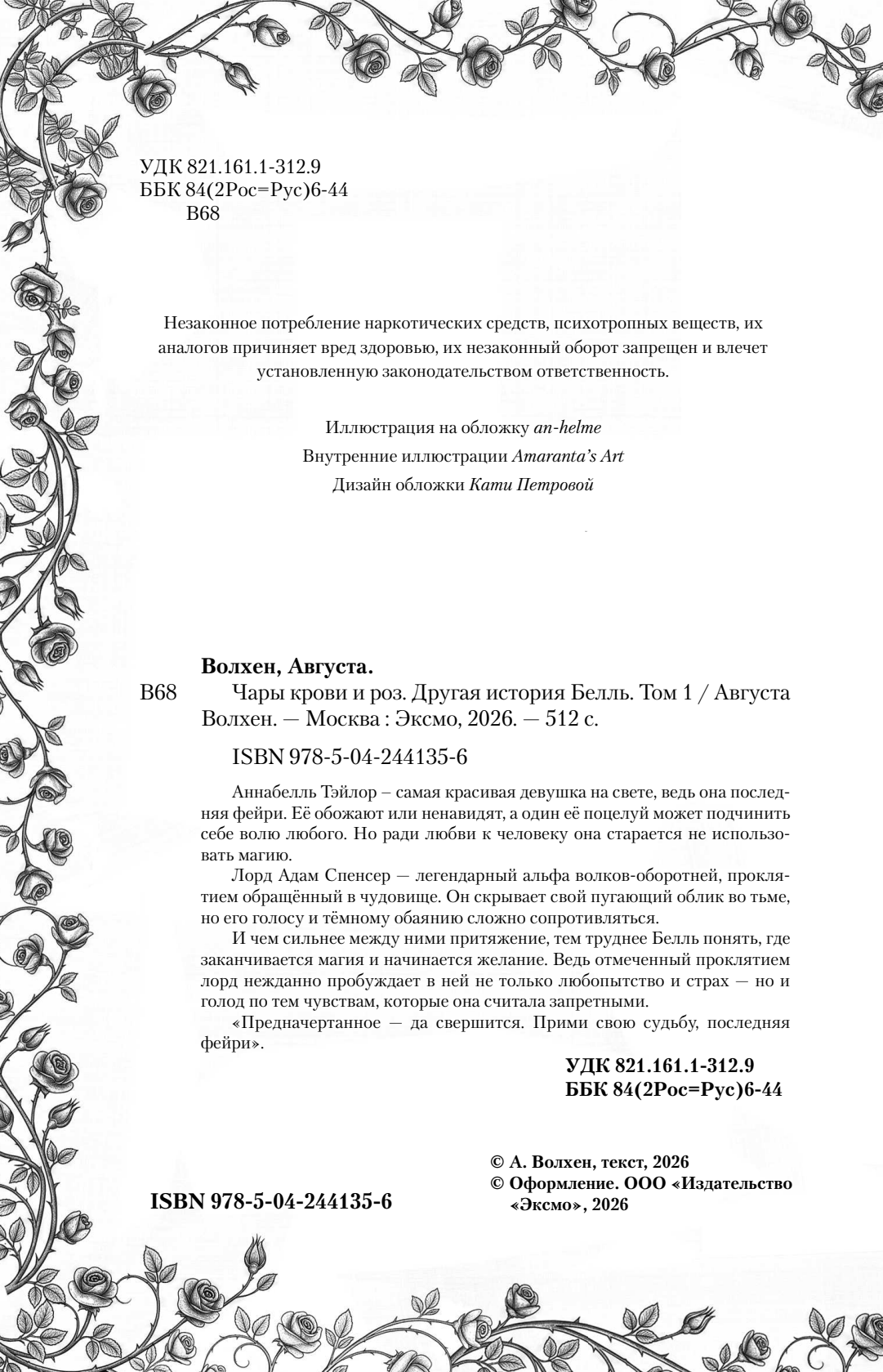

Августа Волхен

ЧАРЫ КРОВИ И РОЗ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

Иллюстрация на обложку *an-helme*
Внутренние иллюстрации *Amaranta's Art*
Дизайн обложки *Кати Петровой*

Волхен, Августа.

В68 Чары крови и роз. Другая история Белль. Том 1 / Августа Волхен. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-244135-6

Аннабель Тэйлор — самая красивая девушка на свете, ведь она последняя фея. Её обожают или ненавидят, а один её поцелуй может подчинить себе волю любого. Но ради любви к человеку она старается не использовать магию.

Лорд Адам Спенсер — легендарный альфа волков-оборотней, проклятием обращённый в чудовище. Он скрывает свой пугающий облик во тьме, но его голосу и тёмному обаянию сложно сопротивляться.

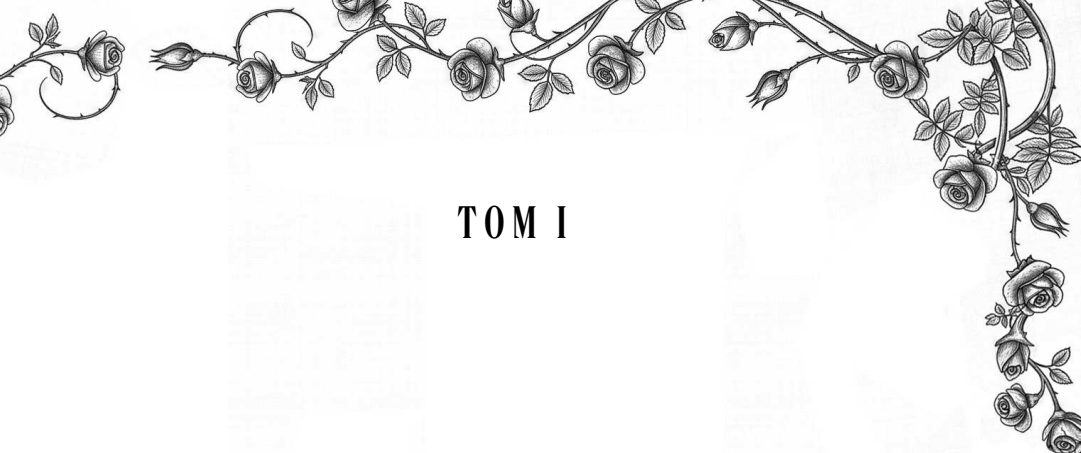
И чем сильнее между ними притяжение, тем труднее Белль понять, где заканчивается магия и начинается желание. Ведь отмеченный проклятием лорд неожиданно пробуждает в ней не только любопытство и страх — но и голод по тем чувствам, которые она считала запретными.

«Предначтанное — да свершится. Прими свою судьбу, последняя фея».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-244135-6

© А. Волхен, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ТОМ I

ЧАСТЬ I

СИМВОЛ ЭЛФИНА

1. Роза

Аннабелль Грейс Тэйлор была последней фейри и самой красивой девушкой на свете, поэтому легко могла позволить себе опоздать. Будь Белль иного склада характера, она бы ни в чём не нуждалась, играя на вожделении богатых мужчин и манипулируя их волей. Но Белль не желала пользоваться чарами фейри ради денег и старалась держаться правил, установленных для всех. И сейчас ей не хотелось подводить хозяина кафе, в котором работала официанткой.

Укорив себя, что не вызвала такси десять минут назад, Белль свернула в квартал Пророчеств. Миновав улицу Ясеней, ведущую к готическому особняку Адер де Виль, где сто шестьдесят пять лет назад жила печально знаменитая ведьма Айрин Бёрд, Аннабелль вышла на широкую улицу Бражников. Дедушка рассказывал: раньше здесь жили банши. А лет сто назад квартал Пророчеств заселили цыгане, и теперь улица Бражников пестрела красными крышами домов, жёлтой штукатуркой стен, полосатыми юбками и цветастыми платками. Завидев Белль, несколько молодых цыганок, звеня монистами, стали радостно зазывать её к себе. Аннабелль невольно подумала, что среди них она вполне могла бы сойти за свою: спасибо бабушке-итальянке за тёмно-каштановые кудри, на которых бы так хорошо смотрелся узорчатый платок, и большие карие глаза — их можно было бы подвести чёрным карандашом. Лёгкий загар, сопрово-

ждавший Белль круглый год из-за её любви к прогулкам на свежем воздухе, вполне сошёл бы за цыганскую смуглость, оставалось добавить золотые серьги-кольца, браслеты и мониста — и образ готов. А уж со своими чарами фейри Белль могла бы внушить людям что угодно. Усмехнувшись перспективе сделать карьеру цыганской пророчицы, Аннабель ускорила шаг.

— Яхонтовая моя! — цыганка средних лет преградила Белль дорогу и радостно затараторила, широко улыбаясь. — Перемены ждут тебя, бриллиантовая! Большие перемены!

— Дай ручку, нагадаю тебе жениха, красивого да богатого! — пообещала вторая, помоложе.

«И так имеющихся женихов некуда сбыть, куда мне ещё один», — подумала Аннабель, резко уходя в сторону. Женщины дружным табором последовали за ней.

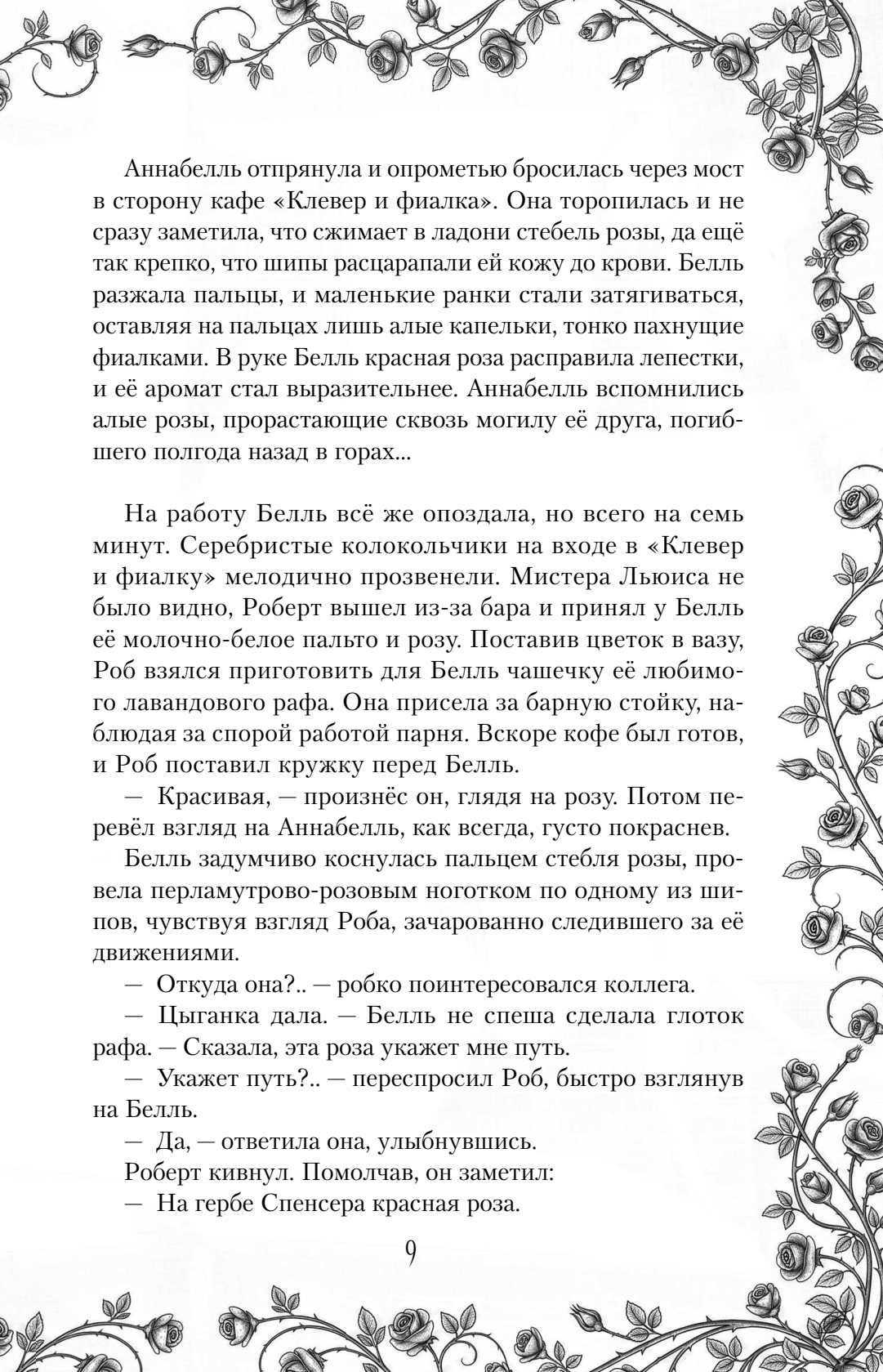
Белль ещё раз свернула направо и вниз, к ручью, и, когда уже поднималась на мостик, едва не столкнулась со старой цыганкой в чёрно-зелёном залатанном платье и хитро скрученной на голове чалме, из-под которой выбивались тёмные с сединой пряди.

Аннабель отшатнулась. В руке у старухи была красная роза, белёсые мутные глаза не мигая смотрели вперёд.

— Предначертанное — да свершится, — глухо проскрипела она. — Прими свою судьбу, последняя фейри.

Белль стало не по себе, и она попыталась обойти старуху. Но та вновь преградила дорогу и, вцепившись Аннабель в запястье ледяной рукой, заговорила:

— Сладкая, сладкая кровь! Создания тьмы придут, они близко! Маленькая фейри в опасности! Пусть роза укажет путь!! — Старуха казалась не в своём уме, её голос звучал надсадно и хрипло, как несмазанное колесо или карканье вороны в зимнее студёное утро, и под конец фразы сорвался почти на визг. Потом безумная пророчица вложила в ладонь Белль розу и наконец отпустила её руку.

Аннабель отпрянула и опрометью бросилась через мост в сторону кафе «Клевер и фиалка». Она торопилась и не сразу заметила, что сжимает в ладони стебель розы, да ещё так крепко, что шипы расцарапали ей кожу до крови. Белль разжала пальцы, и маленькие ранки стали затягиваться, оставляя на пальцах лишь алые капельки, тонко пахнущие фиалками. В руке Белль красная роза расправила лепестки, и её аромат стал выразительнее. Аннабель вспомнились алые розы, прорастающие сквозь могилу её друга, погибшего полгода назад в горах...

На работу Белль всё же опоздала, но всего на семь минут. Серебристые колокольчики на входе в «Клевер и фиалку» мелодично прозвенели. Мистера Льюиса не было видно, Роберт вышел из-за бара и принял у Белль её молочно-белое пальто и розу. Поставив цветок в вазу, Роб взялся приготовить для Белль чашечку её любимого лавандового рафа. Она присела за барную стойку, наблюдая за спорой работой парня. Вскоре кофе был готов, и Роб поставил кружку перед Белль.

— Красивая, — произнёс он, глядя на розу. Потом перевёл взгляд на Аннабель, как всегда, густо покраснев.

Белль задумчиво коснулась пальцем стебля розы, провела перламутрово-розовым ноготком по одному из шипов, чувствуя взгляд Роба, зачарованно следившего за её движениями.

— Откуда она?... — робко поинтересовался коллега.

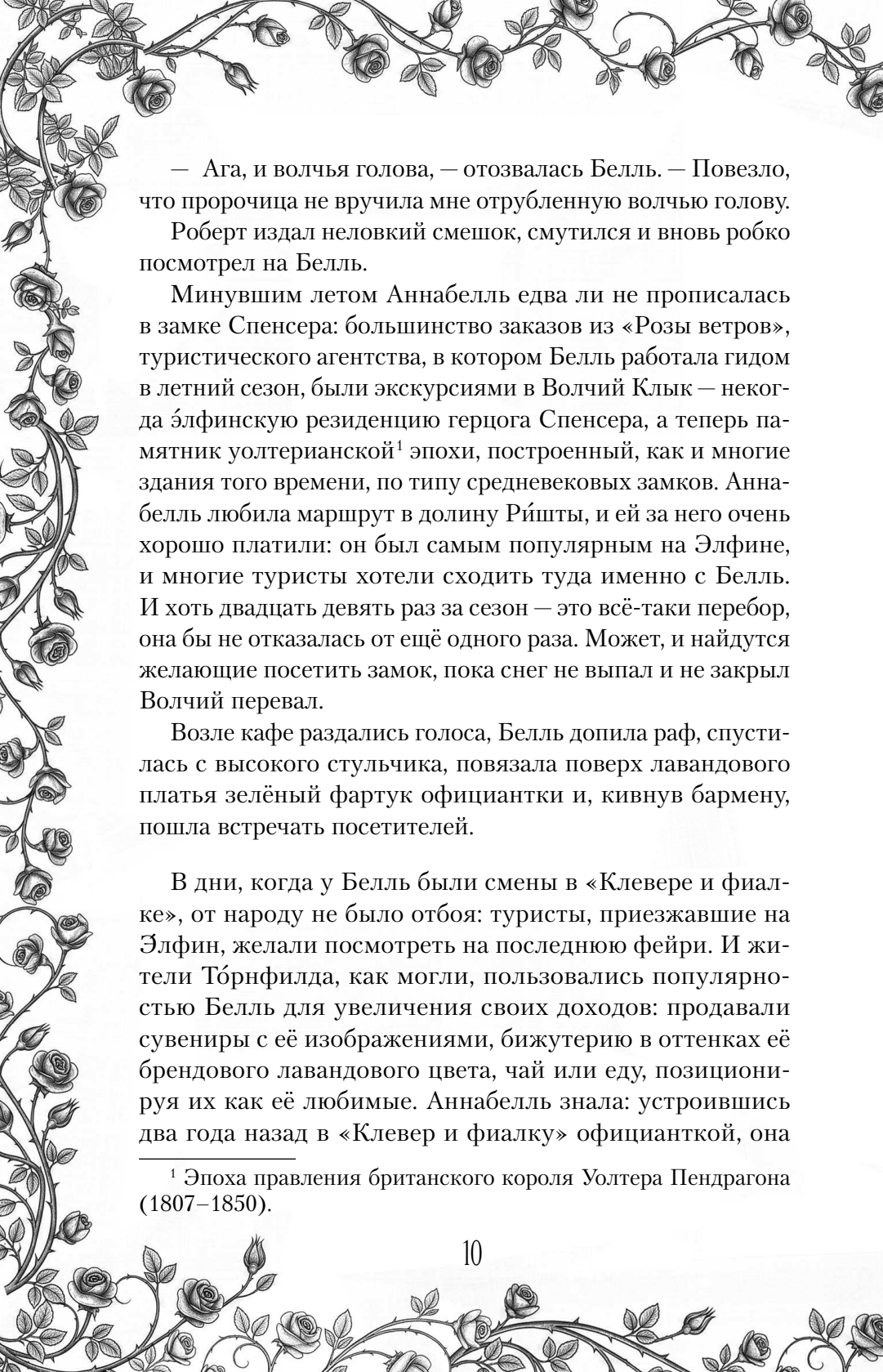
— Цыганка дала. — Белль не спеша сделала глоток рафа. — Сказала, эта роза укажет мне путь.

— Укажет путь?... — переспросил Роб, быстро взглянув на Белль.

— Да, — ответила она, улыбнувшись.

Роберт кивнул. Помолчав, он заметил:

— На гербе Спенсера красная роза.

— Ага, и волчья голова, — отозвалась Белль. — Повезло, что пророчица не вручила мне отрубленную волчью голову.

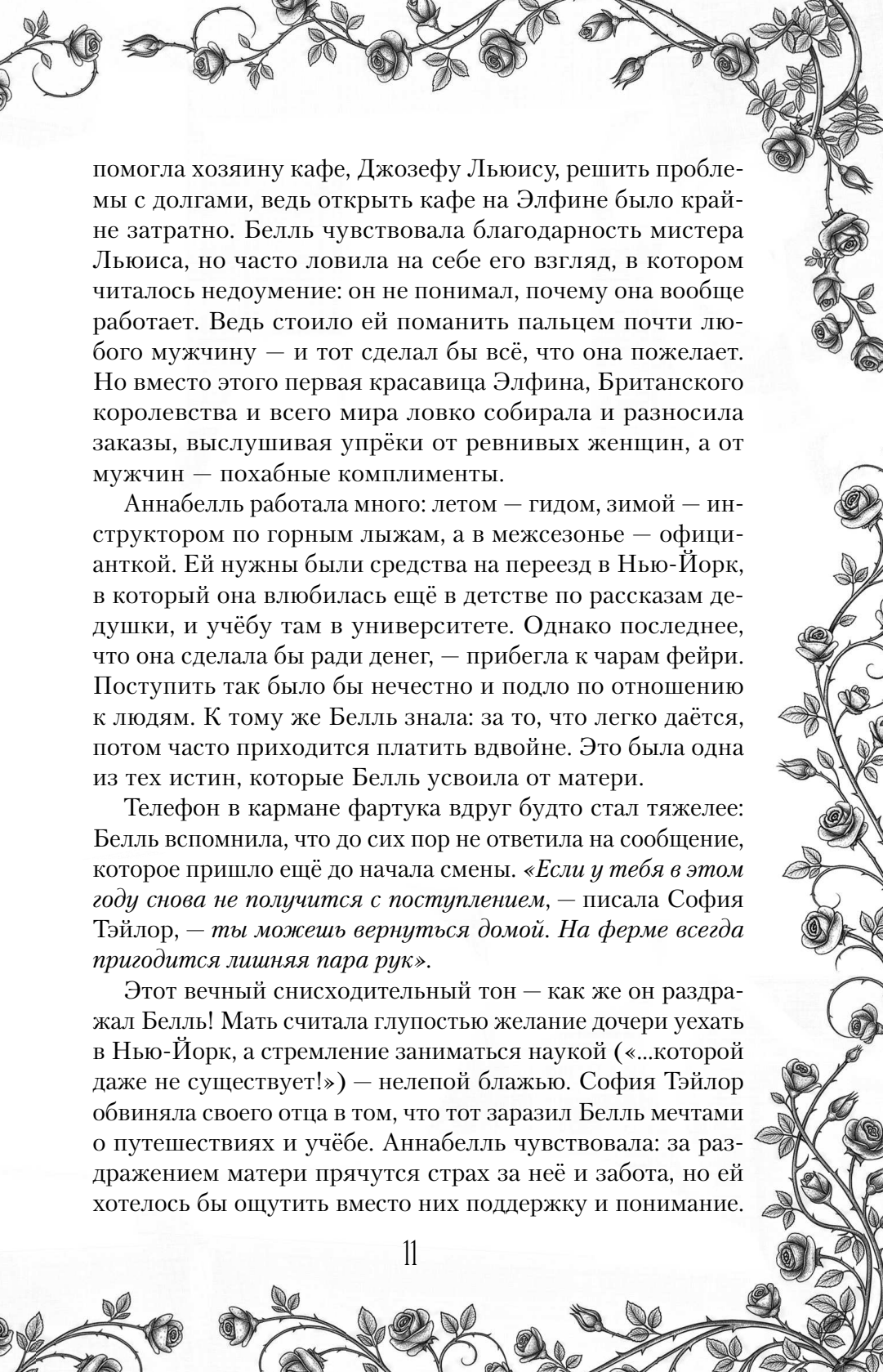
Роберт издал неловкий смешок, смутился и вновь робко посмотрел на Белль.

Минувшим летом Аннабелль едва ли не прописалась в замке Спенсера: большинство заказов из «Розы ветров», туристического агентства, в котором Белль работала гидом в летний сезон, были экскурсиями в Волчий Клык — некогда элфинскую резиденцию герцога Спенсера, а теперь памятник уолтерианской¹ эпохи, построенный, как и многие здания того времени, по типу средневековых замков. Аннабелль любила маршрут в долину Рйшты, и ей за него очень хорошо платили: он был самым популярным на Элфине, и многие туристы хотели сходить туда именно с Белль. И хоть двадцать девять раз за сезон — это всё-таки перебор, она бы не отказалась от ещё одного раза. Может, и найдутся желающие посетить замок, пока снег не выпал и не закрыл Волчий перевал.

Возле кафе раздались голоса, Белль допила раф, спустилась с высокого стульчика, повязала поверх лавандового платья зелёный фартук официантки и, кивнув бармену, пошла встречать посетителей.

В дни, когда у Белль были смены в «Клевере и фиалке», от народа не было отбоя: туристы, приезжавшие на Элфин, желали посмотреть на последнюю фейри. И жители Тёрнфилда, как могли, пользовались популярностью Белль для увеличения своих доходов: продавали сувениры с её изображениями, бижутерию в оттенках её брендового лавандового цвета, чай или еду, позиционируя их как её любимые. Аннабелль знала: устроившись два года назад в «Клевер и фиалку» официанткой, она

¹ Эпоха правления британского короля Уолтера Пендрагона (1807–1850).

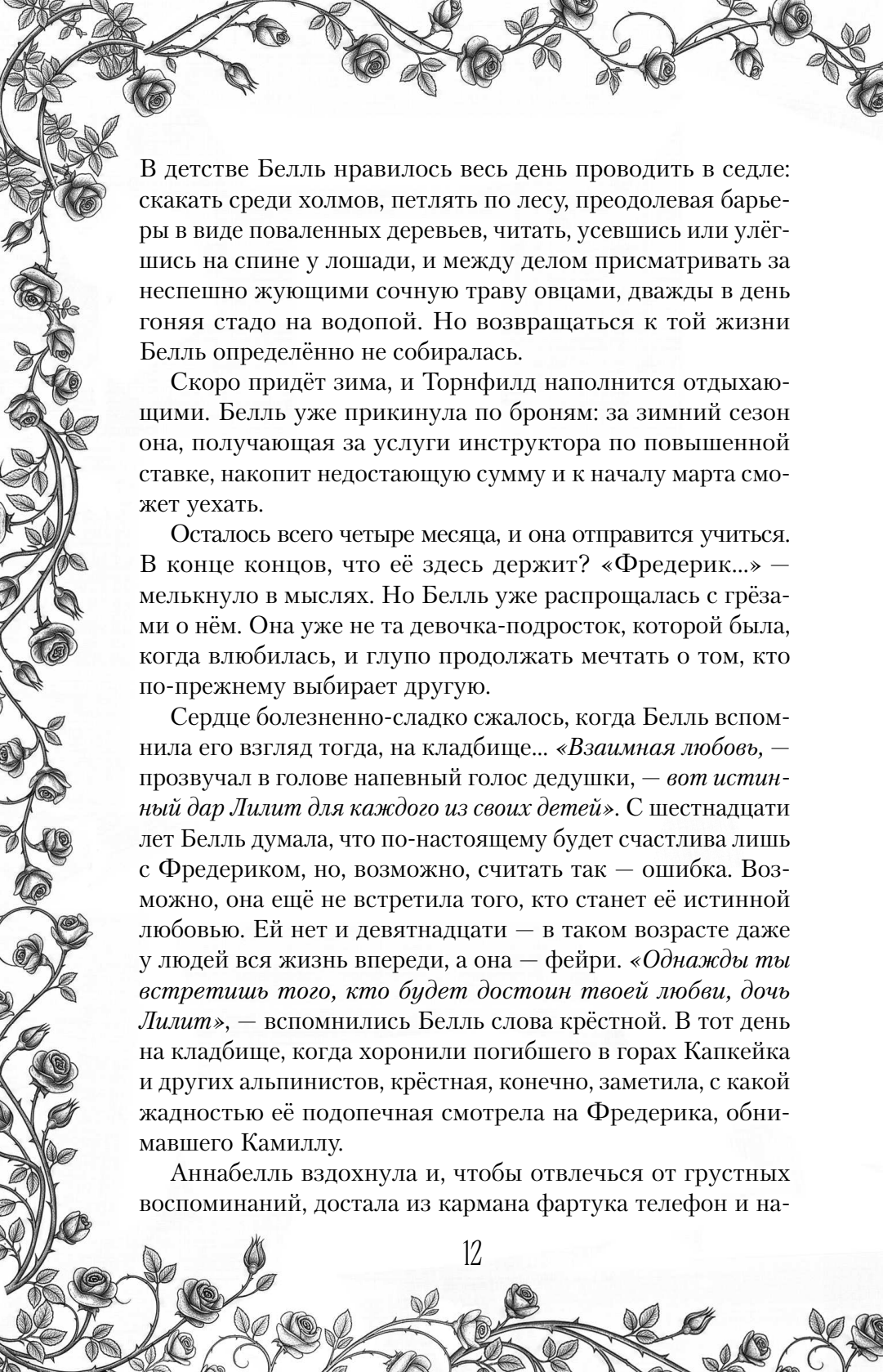

помогла хозяину кафе, Джозефу Льюису, решить проблемы с долгами, ведь открыть кафе на Элфине было крайне затратно. Белль чувствовала благодарность мистера Льюиса, но часто ловила на себе его взгляд, в котором читалось недоумение: он не понимал, почему она вообще работает. Ведь стоило ей поманить пальцем почти любого мужчину — и тот сделал бы всё, что она пожелает. Но вместо этого первая красавица Элфина, Британского королевства и всего мира ловко собирала и разносила заказы, выслушивая упрёки от ревнивых женщин, а от мужчин — похабные комплименты.

Аннабель работала много: летом — гидом, зимой — инструктором по горным лыжам, а в межсезонье — официанткой. Ей нужны были средства на переезд в Нью-Йорк, в который она влюбилась ещё в детстве по рассказам бабушки, и учёбу там в университете. Однако последнее, что она сделала бы ради денег, — прибегла к чарам фейри. Поступить так было бы нечестно и подло по отношению к людям. К тому же Белль знала: за то, что легко даётся, потом часто приходится платить вдвойне. Это была одна из тех истин, которые Белль усвоила от матери.

Телефон в кармане фартука вдруг будто стал тяжелее: Белль вспомнила, что до сих пор не ответила на сообщение, которое пришло ещё до начала смены. *«Если у тебя в этом году снова не получится с поступлением, — писала София Тэйлор, — ты можешь вернуться домой. На ферме всегда пригодится лишняя пара рук».*

Этот вечный снисходительный тон — как же он раздражал Белль! Мать считала глупостью желание дочери уехать в Нью-Йорк, а стремление заниматься наукой («...которой даже не существует!») — нелепой блажью. София Тэйлор обвиняла своего отца в том, что тот заразил Белль мечтами о путешествиях и учёбе. Аннабель чувствовала: за раздражением матери прячутся страх за неё и забота, но ей хотелось бы ощутить вместо них поддержку и понимание.

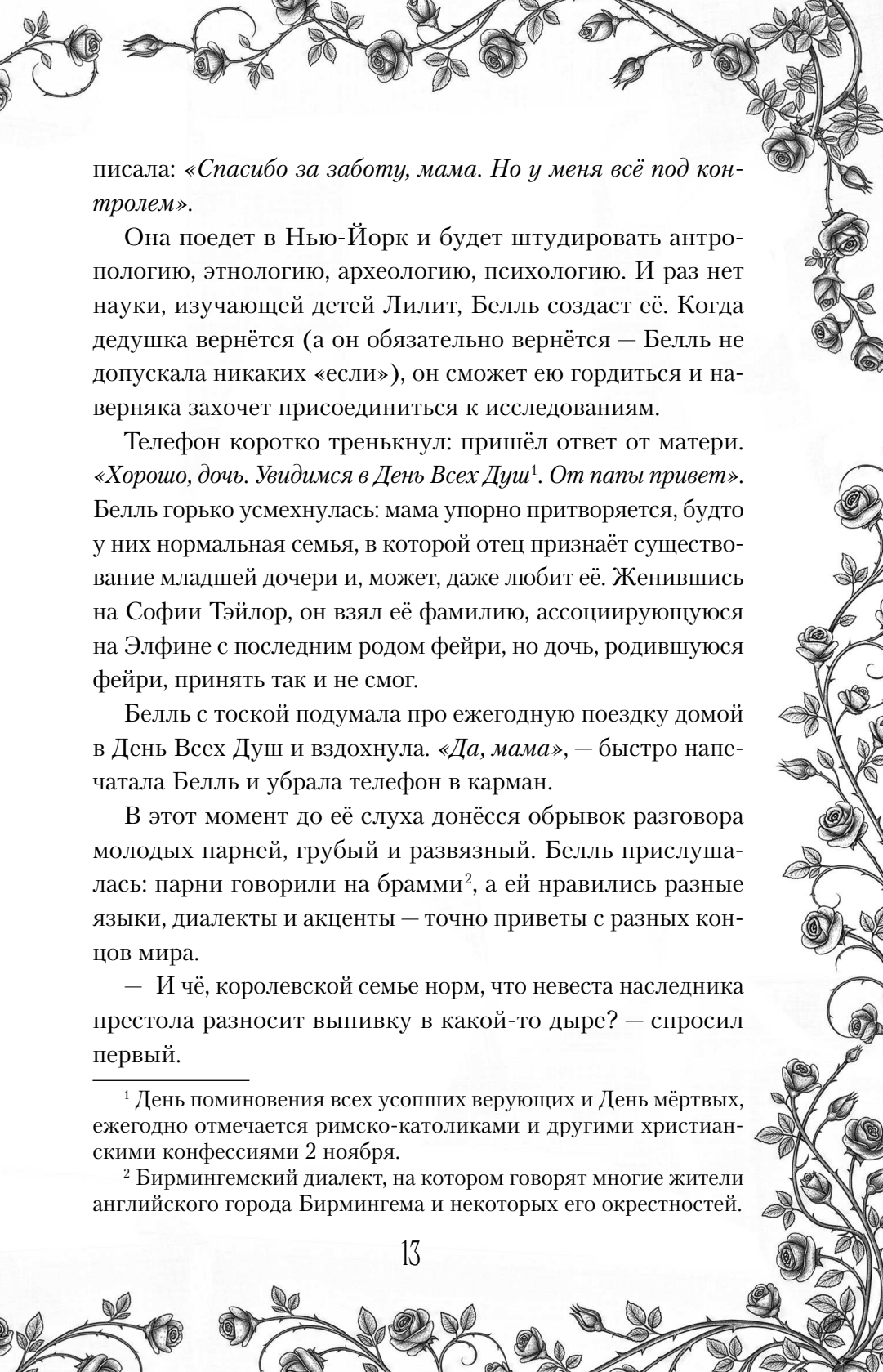
В детстве Белль нравилось весь день проводить в седле: скакать среди холмов, петлять по лесу, преодолевая барьеры в виде поваленных деревьев, читать, усевшись или улёгшись на спине у лошади, и между делом присматривать за неспешно жующими сочную траву овцами, дважды в день гоняя стадо на водопой. Но возвращаться к той жизни Белль определённо не собиралась.

Скоро придёт зима, и Торнфилд наполнится отдыхающими. Белль уже прикинула по броням: за зимний сезон она, получающая за услуги инструктора по повышенной ставке, накопит недостающую сумму и к началу марта сможет уехать.

Осталось всего четыре месяца, и она отправится учиться. В конце концов, что её здесь держит? «Фредерик...» — мелькнуло в мыслях. Но Белль уже распрощалась с грёзами о нём. Она уже не та девочка-подросток, которой была, когда влюбилась, и глупо продолжать мечтать о том, кто по-прежнему выбирает другую.

Сердце болезненно-сладко сжалось, когда Белль вспомнила его взгляд тогда, на кладбище... *«Взаимная любовь»,* — прозвучал в голове напевный голос бабушки, — *«вот истинный дар Лилит для каждого из своих детей»*. С шестнадцати лет Белль думала, что по-настоящему будет счастлива лишь с Фредериком, но, возможно, считать так — ошибка. Возможно, она ещё не встретила того, кто станет её истинной любовью. Ей нет и девятнадцати — в таком возрасте даже у людей вся жизнь впереди, а она — феяри. *«Однажды ты встретишь того, кто будет достоин твоей любви, дочь Лилит»*, — вспомнились Белль слова крёстной. В тот день на кладбище, когда хоронили погибшего в горах Капкейка и других альпинистов, крёстная, конечно, заметила, с какой жадностью её подопечная смотрела на Фредерика, обвинявшего Камиллу.

Аннабелль вздохнула и, чтобы отвлечься от грустных воспоминаний, достала из кармана фартука телефон и на-

писала: *«Спасибо за заботу, мама. Но у меня всё под контролем».*

Она поедет в Нью-Йорк и будет штудировать антропологию, этнологию, археологию, психологию. И раз нет науки, изучающей детей Лилит, Белль создаст её. Когда дедушка вернётся (а он обязательно вернётся — Белль не допускала никаких «если»), он сможет ею гордиться и наверняка захочет присоединиться к исследованиям.

Телефон коротко тренькнул: пришёл ответ от матери. *«Хорошо, дочь. Увидимся в День Всех Душ¹. От папы привет».* Белль горько усмехнулась: мама упорно притворяется, будто у них нормальная семья, в которой отец признаёт существование младшей дочери и, может, даже любит её. Женившись на Софии Тэйлор, он взял её фамилию, ассоциирующуюся на Элфине с последним родом фейри, но дочь, родившуюся фейри, принять так и не смог.

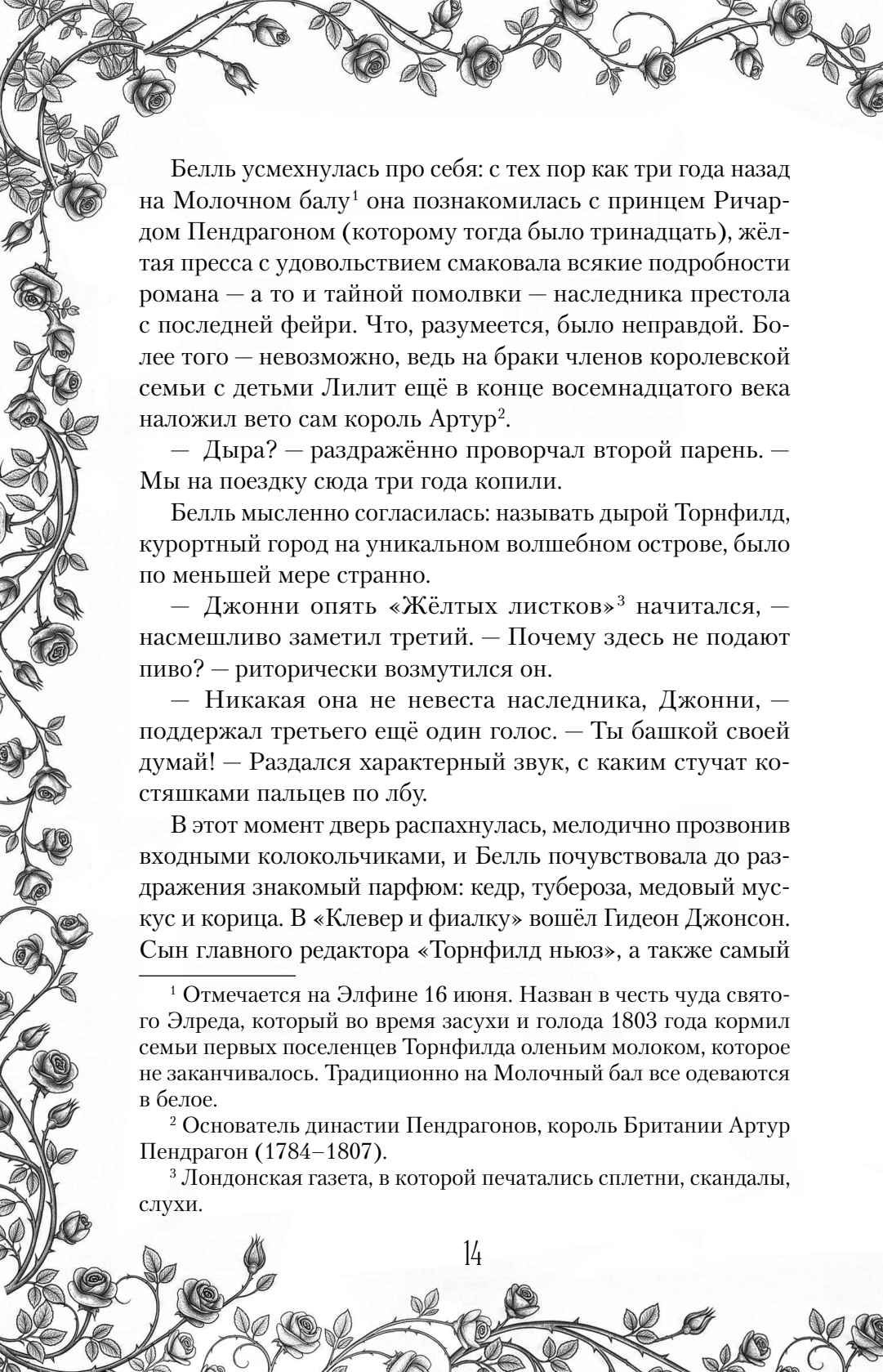
Белль с тоской подумала про ежегодную поездку домой в День Всех Душ и вздохнула. *«Да, мама»*, — быстро напечатала Белль и убрала телефон в карман.

В этот момент до её слуха донёсся обрывок разговора молодых парней, грубый и развязный. Белль прислушалась: парни говорили на брамми², а ей нравились разные языки, диалекты и акценты — точно приветы с разных концов мира.

— И чё, королевской семье норм, что невеста наследника престола разносит выпивку в какой-то дыре? — спросил первый.

¹ День поминовения всех усопших верующих и День мёртвых, ежегодно отмечается римско-католиками и другими христианскими конфессиями 2 ноября.

² Бирмингемский диалект, на котором говорят многие жители английского города Бирмингема и некоторых его окрестностей.

Белль усмехнулась про себя: с тех пор как три года назад на Молочном балу¹ она познакомилась с принцем Ричардом Пендрагоном (которому тогда было тринадцать), жёлтая пресса с удовольствием смаковала всякие подробности романа — а то и тайной помолвки — наследника престола с последней фейри. Что, разумеется, было неправдой. Более того — невозможно, ведь на браки членов королевской семьи с детьми Лилит ещё в конце восемнадцатого века наложил вето сам король Артур².

— Дыра? — раздражённо проворчал второй парень. — Мы на поездку сюда три года копили.

Белль мысленно согласилась: называть дырой Торнфилд, курортный город на уникальном волшебном острове, было по меньшей мере странно.

— Джонни опять «Жёлтых листков»³ начитался, — насмешливо заметил третий. — Почему здесь не подают пиво? — риторически возмутился он.

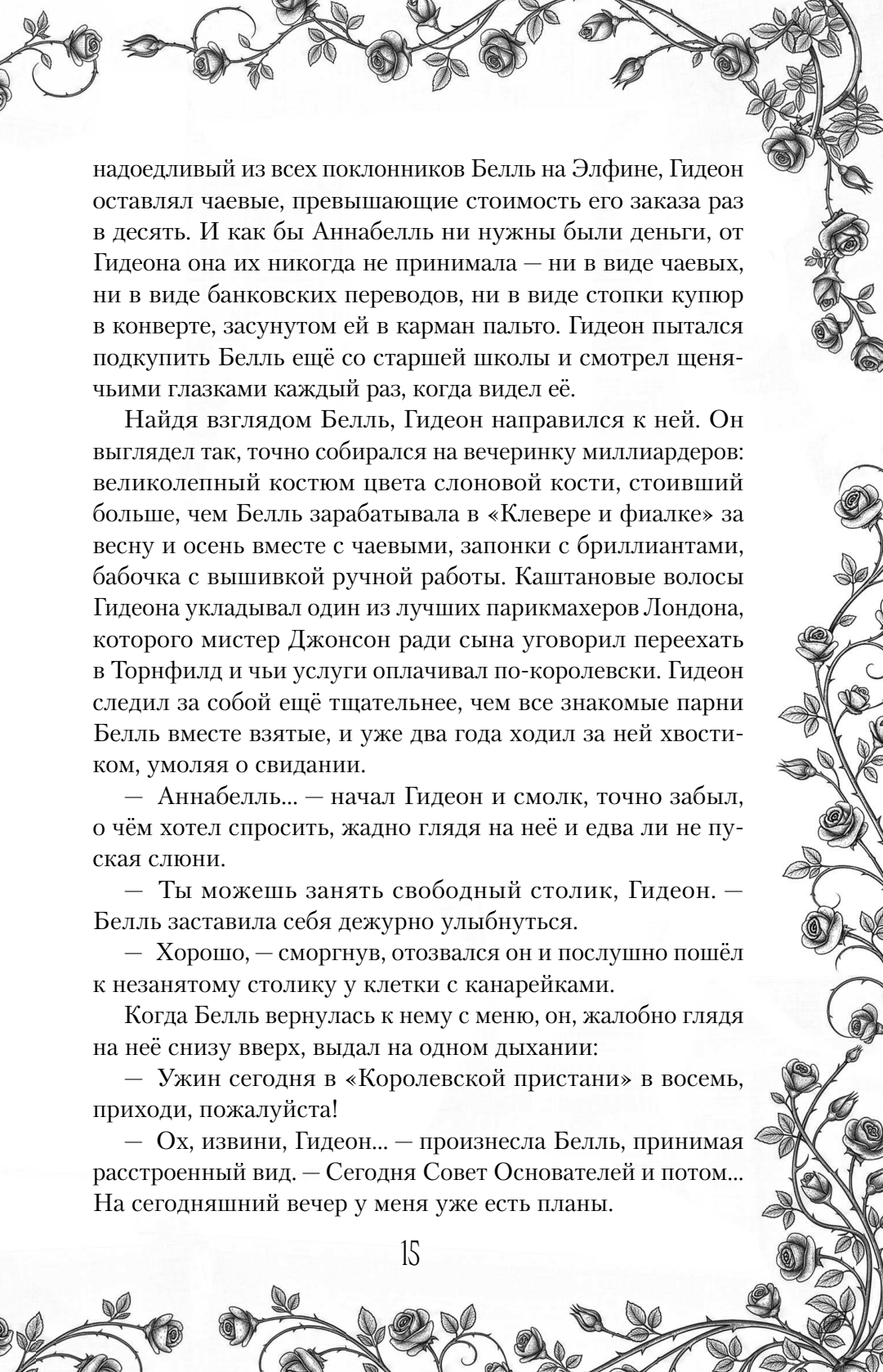
— Никакая она не невеста наследника, Джонни, — поддержал третьего ещё один голос. — Ты башкой своей думай! — Раздался характерный звук, с каким стучат костяшками пальцев по лбу.

В этот момент дверь распахнулась, мелодично прозвонив входными колокольчиками, и Белль почувствовала до раздражения знакомый парфюм: кедр, тубероза, медовый мускус и корица. В «Клевер и фиалку» вошёл Гидеон Джонсон. Сын главного редактора «Торнфилд ньюз», а также самый

¹ Отмечается на Элфине 16 июня. Назван в честь чуда святого Элреда, который во время засухи и голода 1803 года кормил семьи первых поселенцев Торнфилда оленьим молоком, которое не заканчивалось. Традиционно на Молочный бал все одеваются в белое.

² Основатель династии Пендрагонов, король Британии Артур Пендрагон (1784–1807).

³ Лондонская газета, в которой печатались сплетни, скандалы, слухи.

надоедливый из всех поклонников Белль на Элфине, Гидеон оставлял чаевые, превышающие стоимость его заказа раз в десять. И как бы Аннабель ни нужны были деньги, от Гидеона она их никогда не принимала — ни в виде чаевых, ни в виде банковских переводов, ни в виде стопки купюр в конверте, засунутом ей в карман пальто. Гидеон пытался подкупить Белль ещё со старшей школы и смотрел щенячьими глазками каждый раз, когда видел её.

Найдя взглядом Белль, Гидеон направился к ней. Он выглядел так, точно собирался на вечеринку миллиардеров: великолепный костюм цвета слоновой кости, стоивший больше, чем Белль зарабатывала в «Клевере и фиалке» за весну и осень вместе с чаевыми, запонки с бриллиантами, бабочка с вышивкой ручной работы. Каштановые волосы Гидеона укладывал один из лучших парикмахеров Лондона, которого мистер Джонсон ради сына уговорил переехать в Торнфилд и чьи услуги оплачивал по-королевски. Гидеон следил за собой ещё тщательнее, чем все знакомые парни Белль вместе взятые, и уже два года ходил за ней хвостиком, умоляя о свидании.

— Аннабель... — начал Гидеон и смолк, точно забыл, о чём хотел спросить, жадно глядя на неё и едва ли не пуская слюни.

— Ты можешь занять свободный столик, Гидеон. — Белль заставила себя дежурно улыбнуться.

— Хорошо, — сморгнув, отозвался он и послушно пошёл к незанятому столу у клетки с канарейками.

Когда Белль вернулась к нему с меню, он, жалобно глядя на неё снизу вверх, выдал на одном дыхании:

— Ужин сегодня в «Королевской пристани» в восемь, приходи, пожалуйста!

— Ох, извини, Гидеон... — произнесла Белль, принимая расстроенный вид. — Сегодня Совет Основателей и потом... На сегодняшний вечер у меня уже есть планы.